Сергей ГОВОРУХИН:

Я ловлю себя на том, что стыжусь третьего тоста...

В редакции «Комсомолки» прошла премьера документального фильма «Прокляты и забыты»

Комс. правда. – 1997. – 8 окт. – С. 1, 4.

Сергей Говорухин.

Скоро три года, как федеральные войска вошли в Чечню «для восстановления конституционного порядка». В канун негромкой и грустной даты картину Сергея Говорухина увидят миллионы российских телезрителей. Журналисты «КП» стали первыми...

- Года два назад я смотрел какой-то художественный фильм про войну. Подходит сынишка (ему тогда было пять лет) и спрашивает: «Пап, ты что, опять новости смотришь?»

Сергей принес кассету с фильмом в редакцию. Мы расположились в одном из кабинетов, включили видеомагнитофон. Свои костыли Сергей положил на пол перед собой.

- Вы уверены, что сможете досмотреть до конца? Он ведь длинный, час двадцать идет. А вообще я считаю, что он выходит вовремя: все стали забывать, что была война...

Пролог

Абхазия. Люди карабкаются в лодку, которая увезет их из ада. Беженцы. К лодке плывет, отфыркиваясь, огромная грустная дворняга. Вряд ли ее возьмут на борт. Но она не бросит хозяина и будет плыть до последнего, пока не кончатся силы...

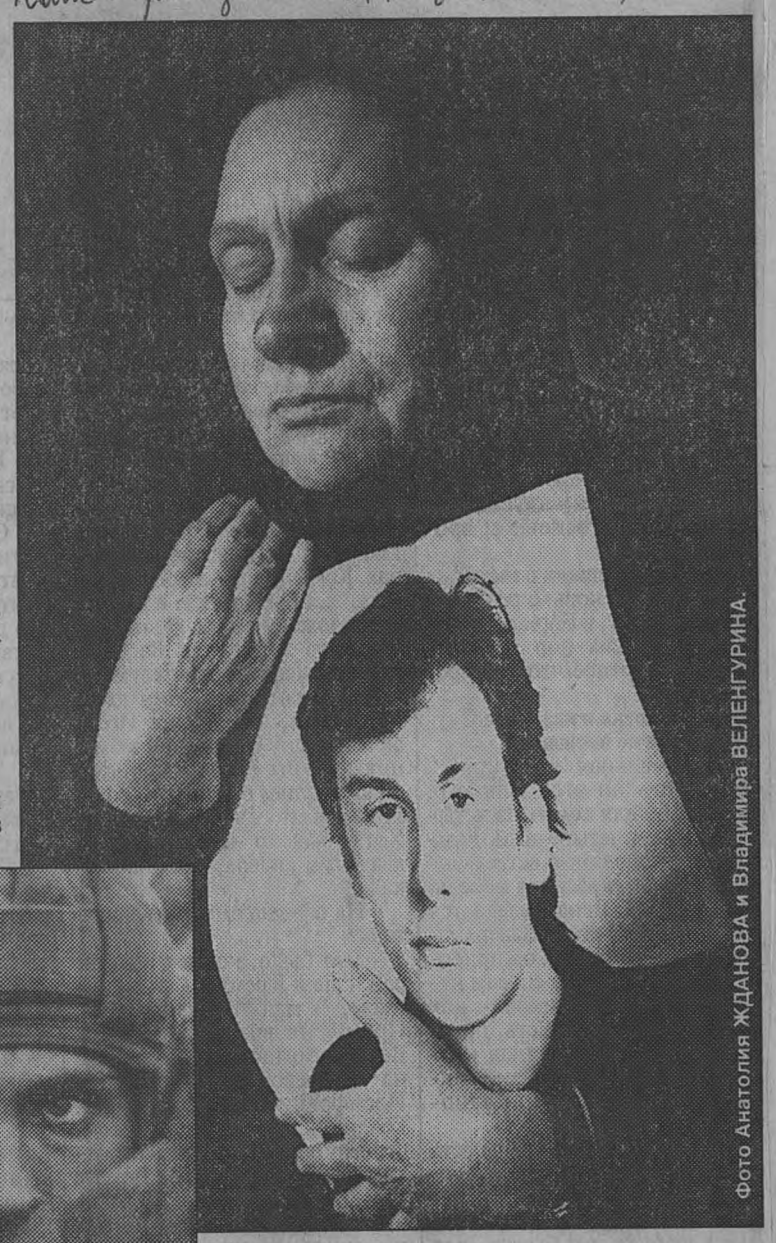

Фото Анатолия ЖДАНОВА и Владимира ВЕЛЕНГУРИНА.

Все помнит только мать.

Сам Говорухин снимал на двух войнах - в Таджикистане и Чечне. На последней после тяжелого ранения потерял ногу.

(Окончание на 4-й стр.).

Пока не прокляты, еще не забыты.

«Я ловлю себя на том, что стыжусь третьего тоста...»

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

Часть первая

«Прощание Славянки». Документальные кадры из хроники второй мировой.

Встык - Чечня. Пожилые женщины тащат в грязи свои повозки. Ободранная вывеска «Мир Кавказу». Русская мать оплакивает у гроба совсем еще юного сына.

- Сергей, а вам не хотелось снять художественный фильм о Чечне?

- «Кавказский пленник» - хорошая картина, но она нелепа с военной точки зрения. Художественный фильм о Чечне должен снять человек, который там был. Но я не могу снимать художественное кино. А вообще мы Чечню еще не до конца осознали.

Мы продолжаем смотреть фильм.

Таджикистан. Десантно-штурмовая группа уходит на войсковую операцию. Ослепительное солнце, горы. За хребтом - мясорубка. В кадре - подорвавшиеся на мине-ловушке пограничники.

- Они умирали один за другим в течение двух часов. Потом выяснилось, что начальство просто пожалело машины, хотя вертолетчики хотели лететь на помощь. И лету-то до места было всего пять минут.

На носилки грузят «легких», которые за два часа ожидания превратились в «тяжелых». Обессилевшие пограничники тащат раненых друзей по узенькой горной тропке. Крупным планом - лицо подполковника Масюка.

- Многие полевые командиры считали за честь вести с ним переговоры. Сейчас он - слушатель Академии Генштаба. По ночам разгружает вагоны на овощной базе. Очень просил не снимать его там. Мы не снимали.

Там, в Таджикистане, они отобрали у оператора оружие и отправили вперед - с камерой. Более двух месяцев съемочная группа жила с этими ребятами, и пограничники просто перестали их замечать. Может, поэтому столько жизни в этих бесхитростных кадрах?

- Да, мы были с оружием. А как по-другому? В нас тоже стреляли.

Разложившиеся трупы пограничников, кое-как завернутые в брезент, грузят в вертолет. Двое солдат тщательно протирают хлоркой люки и скамейки - в «вертушке» такой запах, что дышать там просто нечем. Трупы пролежали черт знает сколько на сорокаградусной жаре...

Погибшего солдата запаивают в цинк. Аккуратный шов ложится быстро. Цинк кладут в деревянный ящик. Долго-долго, один за другим, в крышку вбиваются гвозди. Сверху кладут венок...

И вдруг - неожиданно мирная картинка прифронтовой зоны. Двое малышей в пустынном дворе катаются на карусели. Такие карусели были после Великой Отечественной - убогие, разломанные.

- Я возвращался к этому кадру вновь и вновь. Только потом, просмотрев его не один раз, понял, почему не мог от него оторваться, - карусель сделана из вкопанного БТРа и лопастей вертолета и крутится против часовой стрелки. Время повернулось вспять и стало необратимо...

Часть вторая

Бравурный немецкий марш. В центре Москвы у памятника героям Плевны проходит фашистский митинг.

Грозный. Снова трупы, но теперь они завернуты в пленку. На место убитых привезли пополнение - вот они, еще живые, улыбаются в камеру. Через несколько секунд эти парни, раздавленные гусеницами, будут лежать на улицах чеченской столицы. Из горящей БМД выносят парня с оторванной ногой...

- После ампутации меня еще несколько месяцев мучили фантомные боли. Когда я узнал, что у меня нет ноги, - заплакал

И снова мирная жизнь. Туровки, дорогие бутики.

- Мы все виноваты в этой войне, - считает Говорухин.

Возможно... Каждый имеет право на свое мнение.

Часть третья

Старое полуразрушенное здание. На нарах сидят солдатские матери. По очереди показывают в камеру фотографии своих сыновей. Эти женщины объездили всю Чечню в поисках своих детей. Съемочная группа Говорухина помогала им как могла - деньгами, едой. За кадром голос автора: «Глядя на этих женщин, я представлял свою мать, карабкающуюся на второй ярус железной кровати». Одна из женщин заходится в плаче. Но камера не дрогнула ни на мгновенье.

Эпилог

- Вы использовали постановочные кадры?

- Они были, но в картину не вошли - слишком выбивались. На «Центрнаучфильме», где мы делали «озвучку», очень удивились, что в картине так мало музыки. Но я пошел на это сознательно - не хотелось приукрашивать то, что и так очевидно.

Таджикистан. Июль 1993 года. Расстрелянная боевиками 12-я погранзастава.

- Личный состав заставы, оставшийся в живых, перед вами. Заместитель начальника заставы лейтенант Мерзликин...

Лейтенант говорит медленно, с трудом выговаривая слова. Он контужен. На последних словах голос его срывается на плач. Старший офицер обнимает его. Он тоже плачет.

Плачут стоящие в строю грязные, оборванные, израненные бойцы. Их не больше десятка. Плачем мы, кто смотрит это сейчас.

Голос за кадром: «Мы были прокляты и убиты здесь, и забыты там. И еще неизвестно, что страшнее».

***

- Сергей, ты думаешь, что фильм будут смотреть?

- Думаю, да. Как это ни дико звучит, распространители фильма уверены, что это коммерческий проект. Меня вначале эти слова поразили. Но с другой стороны - по скольким людям прошли эти войны. Сколько ребят побывали в Афгане, Чечне, сколько матерей остались без своих мальчиков? Десятки, сотни тысяч...

Наверное, ему легче, чем мальчикам-инвалидам, вернувшимся из Чечни на колясках и костылях.

- Я пошел на войну взрослым мужиком из этого директорского кабинета. Сюда же и вернулся. У меня была семья, работа. Вернувшись в мирную жизнь, я знал, чем буду заниматься. А что делать восемнадцатилетнему мальчику без работы, как жить на пенсию в триста тысяч?

Третий тост

После просмотра мы долго сидели молча. Естественно, выпивали. Спросили Сергея о боевых наградах, их у него четыре. Он сказал, что ни разу не надевал ордена.

- Мне хотелось бы носить награды - как их носили после Великой Отечественной, но ведь меня примут за ненормального!

Потом Сергей очень смешно рассказывал, как с палочкой ковылял из-под обстрела, когда «духи» штурмовали Ханкалу. Он ездил доснимать фильм в Чечню уже без ноги.

- Знаете, в последнее время я стал стесняться третьего тоста. В незнакомой компании просто не поймут. Подумают, что красуюсь. Он понятен только среди своих...

Мы подняли этот тост. И потом четвертый - чтобы за нас никогда не подняли третий.

Елена ЛОРИЯ,
Елизавета МАЕТНАЯ.

P.S. Это первая картина Сергея Говорухина, но вряд ли бы она появилась без второго режиссера-постановщика Инны Ванеевой и оператора Виталия Виха, прошедшего все войны вместе с Сергеем.